

М.Р. Казиты

ДОБРОТА И ЗЛОБА ДНЯ: К ПОЭТИКЕ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ И САТИРИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ СЕРГЕЯ ХУГАЕВА (к 85-летию со дня рождения народного писателя Осетии С.З. Хугаева)

М.Р. Казиты*

Аннотация. В статье дается общая оценка творчества и личности народного писателя Осетии Сергея Заурбековича Хугаева; специально рассматриваются юмористические и сатирические рассказы писателя в части жанровых, композиционных и стилистических особенностей.

Ключевые слова: Сергей Хугаев, осетинская литература, жанр, рассказ, юмор, сатира, язык.

Счастлив писатель, новых книг которого люди ожидают, как рождения ребенка. «Книга – мудрость, книга – жизнь», – утверждал Татари Епхийев [1, с. 95]. Ибо настоящий художник изображает не только реальность, но и сокровенные надежды народа, и предвосхищает светлые картины его будущей жизни. А если еще и скажут о книге: «Глубока ее мысль. Красиво ее построение. Незабываемы ее образы. Сладок ее язык» [2, с. 171], – тогда она становится истинным чудом. Это бывает возможно при условии, если писатель ступает по ухабистым дорогам жизни плечом к плечу со своими соплеменниками, делит с ним хлеб-соль, не делает различий между «своим» и «чужим».

Когда я задумался о том, есть ли у нас, осетин, такие писатели, перед моим внутренним взором предстал, наряду с немногими другими, низенький, сухощавый, любой беседе внимающий со своей неизменно грустной, как бы сочувствующей улыбкой – Сергей Хугаев.

И это не случайно. Тот, для кого Отечество – его душа и сердце [3, с. 74], его главная и непрестанная забота, кто обожает и обожествляет его, кто поднимает его на божественную высоту (ибо Отечество – это Бог, данный нам в непосредственном ощущении), кто молится ему и клянется им –

*Ды цы зынтæн фæразыс, цы рыстытæн! –
Фæстагæттæ дæ хæсдзысты дисæн.
Дæу сыгъдæг уд скæндзысты Чырыстийау,
Де знæгтыл та бакæндзысты 'вдисæн.
Дунейыл мын цунæг дзуарау цунæг дæ, –
Уæд дæ сахъ цæдисонтæ кæм ысты?!
Тухъæдгæмттæй чи фæцыди ингæнмæ,
Уыдон дыл хæрзаудæн кæндзысты.
Æмæ д' арт куы сгуыпп кæна дæ ардзæсты,
Й' алыварс дæ фæлмæст цот куы сиу уой,
Уæд мæныл æрзайдзæни цыппар цæсты, –
Хъуамæ дын дæ цинтæ фенон иууыл [4, с. 6–7].*

*Какие ты терпишь трудности, какие боли! –
Потомки будут говорить о тебе с изумлением.
Тебя объявят святой душой, подобно Христу,
А врагов твоих заклеят проклятьем.
В этом мире ты для меня – единственная, как Бог,
святыня, –
Где же твои храбрые защитники?
Те, что с кровавыми ранами сошли в могилы,
Будут тебе покровительствовать (о тебе позаботятся).
И когда вспыхнет огонь в твоём очаге,
И объединятся вокруг него твои уставшие дети,
Тогда у меня откроются четыре глаза, –
Я должен увидеть все твои радости!¹ –*

тот не может остаться не услышанным, не встретить взаимность. Тот, кто жертвенно служит Родине, непременно добьется успеха в своем ремесле.

Вот почему Сергей Хугаев смиренными и неспешными, но уверенными шагами поднимается на своем творческом пути от одного достижения к другому, от одной высоты к другой. Читатель, знакомый с его поэтическими сборниками «Мæ сыхæгты номæй» / «От имени соседей» (1968), «Фæндаджы мæт» / «Перед дорогой» (1976), «Хуры рæгъ» / «Тост за Солнце» (2008), книгами рассказов и повестей «Æхсырласæг» / «Молоковоз» (1973), «Хурæндаг» / «Солнечной дорогой» (1980), «Зарæг баззадис мемæ» / «Песня осталась со мной» (1983), «Урс изæртæ» / «Белые ночи» (2000), «Сæнæфсыры цупæлттæ» / «Гроздь винограда» (2014), романами «Ацы хъарм хуры бын» / «Под этим солнцем, греющим нас» (1987) и «Нарты Фарнæг» / «Нарт Фарнаг» (2005), не усомнится в справедливости наших слов. Писатель живет жизнью своего народа. Потому он и понятен и приятен народному сердцу.

Однако в богатом и разнообразном творчестве Сергея Хугаева особое место занимает один из жанров прозы (эпоса) – именно рассказ. Не зря Сергей

* Казиты (Казиев) Мелитон Резоевич – к. ф. н., доцент кафедры осетинской литературы ЮОГУ им. А. Тибилова, сопредседатель союза писателей Осетии (g.dzebyson@mail.ru).

¹ Подстрочный перевод стихотворения «Цæр, мæ Ир!» / «Живи, мой Иристон!» (1991).

Залыгин писал: «Искусство гораздо консервативнее науки в том смысле, что оно крепче связано со своими собственными памятниками, чем наука» [5, с. 443]; этим давно привеченным в осетинской литературе жанром писатель с успехом овладел в молодости и, в общем, никогда о нем не забывал.

Наши коллеги уже не раз обращали внимание на рассказы Хугаева. «Усвоив уроки лаконизма и «энергии выражения» (термин Б. Эйхенбаума) славных предшественников – А. Коцоева, С. Кулаева, К. Дзесо-ва и др., – пишет И.В. Мамиева, – автор вносит свою лепту в развитие жанра, обогащает его индивидуально-психологическим видением жизни. Центр тяжести в его рассказах из привычной социальной плоскости смещается в сферу внутреннего мира человека, предметом художественного изображения становятся нюансы движения души. Отсюда – выраженное лирическое начало его прозы» [6, с. 31–32].

Рассказы С.З. Хугаева появились на страницах периодической печати практически одновременно с его первыми поэтическими сборниками (1960-е гг.) [7, с. 378]. И осетинский читатель сразу их заметил, поскольку, хотя их мысль простирается вдаль, к сердцу читателя он ищет коротких и доверительных путей, и находит их благодаря своему таланту и беспрестанному и радостному труду. Не устает. Как сказал Чермен Беджизаты, «труд – вознаграждение, когда есть с чем работать» [8, с. 199]. У Сергея Хугаева, слава Богу, всегда было, с чем работать и зачем. Один за другим рождаются на свет его рассказы, каждый в своем неповторимом обаянии, без той натужности и суетной искусственности построений, которые несовместимы со свободным творчеством. Иначе и не может быть, когда «сердце народное» становится твоей «пашней», а «печали страны» – «осенней молотью» (подлежат твоему «осеннему обмолоту») [9, с. 13]. «Не ожидай, как дитя, утешенья, // Сам утешай других» [10, с. 232]. Сергей, осознав себя писателем, взял на себя эту заботу и всегда оставался верен своему самоотверженному призванию.

Такое понимание писательской миссии, подобно личному авторскому тавру, можно рассмотреть во всех его рассказах, – в том числе юмористических и сатирико-юмористических, которые образуют в творчестве С.З. Хугаева «автономный большой пласт» [6, с. 34]. Естественно, что в них нет «щемящего лиризма», свойственного «сюжетам о голодном военном детстве, о драматических перипетиях жизни современников», и «на первое место заступает комизм характеров и ситуаций» [6, с. 34]. Тем не менее автор осязательно заключает в них свое отношение к жизни, свои действительные радости и печали, свое понимание того, чему должно радоваться и чему печалиться, что заслуживает внимательного взгляда, обсуждения или осуждения, что следует поставить во главу угла нашей жизни и повседневного труда – темы как будто текущие и частные, на злобу дня, – но на самом деле непреходящие. Поэтика Сергея Хугаева убеждает, что нет ничего долговечнее злободневного.

Самые убедительные художественные формы для вечных тем и вопросов он находит в нашей повседневной жизни, списывает их с осетинской природы. Это не так легко, как может показаться. Не зря досадовал в свое время Васо Малиев: «Ах, как нуждаемся мы в настоящем писательском слове в это трудное и сложное время! Нет, не нашли мы еще таких слов, что отразились бы на сердце и разуме читателя своей благотворной заботой, подобно ангельской ласке» [11, с. 6–7]. Но чем более трудна задача, тем более стоит стремиться к ее решению; и нам кажется, что задача эта, Божьей волей, решена в осетинской художественной словесности, наряду с другими осетинскими писателями, Сергеем Хугаевым.

Герои его рассказов – жители осетинских сел и городов, которые изображаются в типичных обстоятельствах советской и постсоветской национальной действительности. Наиболее характерные для писателя темы связаны с национальными традициями («Дыууæ кæрдзыны» / «Два пирога», «Лæппуы куывды» / «Пир в честь рождения мальчика», «Хæрæфырт – гъери-гъа!» / «Племянник – это другое дело!» и др.), а сюжеты нередко разворачиваются на поминках или похоронах («Æнæбары лæвар» / «Невольный дар», «Мускъел» / «Мушкел», «Бухайы митæ» / «Похождение Буха» и др.); в них изображаются и высмеиваются модные веяния жизни, плохо согласующиеся с традиционным бытом народа или жизнью конкретных людей («Фыссæн стъол» / «Письменный стол», «Чингуытæ» / «Книги» и др.), сребролюбие, ханжество и тщеславие («Гъе уый дын Хела!» / «Вот так Хела!», «Ацы цард ивæнты» / «Время перемен» и др.).

«В произведениях автора, – характеризует эти рассказы И.В. Мамиева, – брызжущее весельем остроумие, фейерверк доброго юмора, – будь то сюжет о снохе, испекшей два пирога, чтобы по обычаю испросить у Господа блага, как ей кажется, для смертельно больной свекрови испустить дух и перестать мучиться («Дыууæ кæрдзыны» / «Два пирога»); или виртуальный диалог (вопрос-ответ) человека и собаки («Фыййæуттæ» / «Чабаны»); или детально выписанная история страданий Цимирзы («Цымырзæ»), ставшая жертвой ложного посыла: ценные работники, мол, давно перебрались из села в город; или разгадывание всем колхозным собранием «ребусов» из записной книжки сторожа по имени Циндзура (искаженное «цензура») («Фыссæн чыныг» / «Записная книжка»); или исследование любви-болезни, как-то вдруг, в одночасье, поразившей всех мужчин брачного возраста в округе «Дыргъджыйнæгты чызг» / «Девушка из Дыргъджина»)» [6, с. 34].

Уже заголовки рассказов анонсируют чисто хугаевскую юмористическую тенденцию: «Гъе уый дын Хела!» / «Вот так Хела!», «Саукъахы рихи» / «Ус Саукаха», «Быдтаты сырх уасæг» / «Красный петух Бидтаевых», «Дзæбæхтæ стут, Лактемыр?» / «Как дела, Лактемыр?», «Нæ бригадир Гæбули» / «Наш бригадир Габули», «Æнæниз у, Гамбол!» / «Будь здоров, Гамбол!» и др. Для них всех характерны абсолютно органичный национальный колорит и интри-

гующий посыл. Они сами по себе свидетельствуют о том, что писатель полностью владеет материалом языка и жизни, и читатель сразу чувствует, что автор не обманет его ожиданий. И действительно, в каждом тексте Хугаева, всегда композиционно лаконичном и стилистически как бы воздушно-легком и просторном, есть остроумное разрешение ассоциаций и предположений, порождаемых заголовком.

Например, в рассказе «Вот так Хепа!» мы знакомимся с героем, который работал в колхозе сначала заведующим продовольственным складом, потом бригадиром, потом начальником маслобойни и т. д., при этом приторговывая на рынке (сам – сливочным маслом, а жена – творогом): совершенно типичный герой не только прошлого, но и современности, потому что эта человеческая порода всегда остается на плаву, – и этим, действительно, вызывает некоторое восхищение.

Юмористические рассказы Сергея Хугаева отличаются, помимо собственной идейно-тематической линии, превосходный осетинский язык, вобравший в себя различные лексико-стилистические стили. Это безусловно литературный язык («признак культурной зрелости всякого народа» [2, с. 41]), и в то же время язык, максимально приближенный к синтаксическим и образным алгоритмам народного, именно сельского, просторечия (Хугаева можно признать, пользуясь известными из русской классики аналогиями, представителем осетинской «деревенской» прозы): оно во многом и обеспечивает самобытный колорит произведений писателя.

Ввиду этой народности естественно, что рассказы Хугаева неизменно несут в себе тепло и свет, а не только смех, который, как известно, бывает разным. Взять любой из них – с первых строк автор завладевает вниманием читателя естественностью и доверительностью повествования. Вот один из зачинов Хугаева, написанный в теплом и в то же время характерном для него как бы обиженно-досадующем тоне:

«Ног аз куы 'рцæйцæуы, уæд алчи цин фæкæны, уымæ та æнкъард кæнын фæцæуы. Хъæдгæй суджы æргъом чи æрцæйхæссы, уымæ искуы уæлгæндаг æрбадын куыд фæцæуы, афтæ йæм фæцæуы æнкъард кæнын. Уынгтæ æмæ фæзтæм зазбæлæстæ куы 'рбакалыны, амыты-уымыты сæ митыл куы æрсæгъдтытæ кæнын, уæд ма уымæй дзæбæхдæр цы уа! Цыма зайгæ æркодтой миты уæлæ къохтæ-къохтæй – цъæх-цъæхид къохтæ урс-урсид миты уæлæ. Уыдоныл дæр нæ бацин кæны Гасбол. Кæсгæ сæм бакæны, æнæ бакæсгæ сæм цы и! Æмæ йæ хъуыр-хъуыргæй нал фенцайы. Уæдæ сын уыцы æлхæнджытæ сæ тæккæ хъæлæсмæ кæдæм батæрынц сæ машинæтæ пиллонкалгæ! Стæй сæ чи куыд æлхæны бæлас, афтæ йын хъуамæ йæ сæр машинæйы къудийы атъысса, йе 'рдæг æдде куыд баззайа зæбулæй, афтæ æмæ, куы фæцæйцæуы машинæ, уæд цыма мидæгæй йæ уд фæисы бæлас,

уыйау къалиутæ æдде сæ гæндзæхтæ цæгъдынæй нал фенцайынц. Зазбæлас уз бæлас у, æмæ йын уз митæ хъæуы. Кæдæм æм тæрыс дæ машинæ æмæ йын кæдæм тъыссыс машинæйы йæ сæр! Дæ уæхскыл æй сæвæр æмæ йæ дæ уæхскыл ахæсс, уæхск дын уымæн радта Хуыцау! Æмæ сфидауа дæ уынг, дæ горæтаг æнæзæрдæ уазал уынг. Йæ хæрдæф дæр ын уæд бамбардзынæ, дæ уæхскыл æй куы фæцæйхæссай, уæд, стæй, зæлланг кæй кæны йæ хæрдæф, уый дæр – гъо, гъо, зæлланг кæны зазбæласы хæрдæф! Дæ улæфæнтæ дын куы бацагайа йæ рæууон фæлхæзæн зазæн, уæд дыл йæ зæлланг дæр ма фæцæуа, уый гæнæн нæй, йæ зæлланг дæр йæхи хуызæн – рæууон, йæ фыррæууонæй ныкъкæрц кæнынмæ фæхъавы раст, æвæцæгæн, арв йæ къабæзтæ кæм ауагъта, уым æндæр ахæм хæрдæф нæй, йæ зæлланг кæмæн цæуы. Æрмæст зазбæласы хæрдæф...» («Зæрдæхудт») [12].

«Когда приближается Новый год, все радуются, а ему хочется грустить. Так человеку, несущему из леса вязанку дров, хочется присесть у тропинки. Вот на улицы и площади снова свозят елки, втыкают их в снег там и тут – что может быть приятней взору! Словно они здесь и выросли – зеленые рожицы на белом снегу. Но и они не радуют Гасбола. Взглянуть-то взглянет на них (отчего же не посмотреть), – но потом долго не перестает ворчать в сердцах: и зачем эти покупатели так близко подгоняют к ним свои машины, отдавая зеленые ветки дымом выхлопных труб?.. А потом, купив елку, каждый сует ее в багажник, так, что половина ее остается снаружи и ее ветви жалко содрогаются по дороге, словно елку трясет в смертельных судорогах... Елка – дерево нежное, хоть и с колючками, ей нужно нежное обращение. Не надо коптить ее выхлопом и запихивать кое-как в багажник. Возьми ее на плечо и неси до дому: для того и дано тебе Богом плечо. Тогда, может быть, не только елка, но и сам ты станешь украшением улиц, холодных и бессердечных улиц города. И запах елки тоже услышишь, когда понесешь ее на плече, – этот звонкий запах елки. Когда коснется твоих легких ее древний утренний аромат, тогда и звон ее услышишь, и сам зазвенишь в ответ; и звон ее – тоже ранний, древний, идущий из глубины времен; нет больше под небом такого звонкого запаха, как запах елки...»² («Обида»).

Остановимся? Но разве этого хочет сердце?.. Читателя увлекает интонация, правда жизни и, главное, внутренний мир героя и чарующий авторский слог – повествование, которое не хочется прерывать. Конечно, «жизнь старше искусства» [13, с. 407]; но только искусство и прежде всего искусство слова, которым сполна владеет Сергей Хугаев, способно передать ощущение бескрайних жизненных пространств даже нашего, сиюминутного, суетного мира.

И все это (в том числе и упрек, и досада) – в теплом свете улыбки. Улыбка присуща писателю как в

² Здесь и далее мы даем если не в строгом смысле подстрочный, то все же весьма приблизительный перевод текстов С.З. Хугаева. Стоит заметить, что эта проза, именно ввиду естественности осетинской языковой стихии, трудно поддается адекватному переводу.

реальной жизни, так и в творчестве; в каком-то смысле она становится элементом творческого метода. И.В. Мамиева также отмечает, что Хугаев «...рассказывает обо всем со скрытой улыбкой – и в этом особое обаяние его произведений» [6, с. 34]:

«Цымырзæ фермæйы куыста. Далæ хъæуы дымæджы сосæвæндагмæ йæ чъылдым чи сыздæхта, уыцы даргъ фермæйы. Куыста æмæ царды дзæбæхæй царди. Райсом дæ бæхы 'хтæнгтæ дзæбæх балвас – кæннод уыцы тæссæртты саргъ бæхы фарсыл абаддзæн – хорз сæ балвас æмæ стуртæн кæм сæ уæлеты бауай цаппуалæй, кæм – сæ дæлеты. Сæр дæ бахъуыд, уæд дæ амонæн æнгуылдзы къæдз дæ дзыхы атъысс æмæ ныкъкъуызытты кæн. Æхситт кæнынæй та Цымырзæйы чи амбылдтаид? Иу дæр нæ. Цæрæнбонты æхситтгæнæн чи фæхаста, уыцы милиционеры æхситт дæр афтæ дард нæ фехъуыстаид. Къуыскъуысгæнæ-у ацыди комы саккоммæ, стæй та-у азæлд фæстæмæ æрбаздæхти. Дыууæ-æртæ хатты. Хъомтæ дæр-у сæ къæхтæ ныццавтой: хорз æмбæрстой Цымырзæйы æхситт. Уæдæ, стуртæ ривæд райдыдтой, уæд дæ бæхы саргъ сис, дæ нывæрзæны йæ бакæн æмæ дæхи æруадз цъæх кæрдæгыл...» [14, с. 52].

«Цимирза работал на ферме. На той самой, что стояла в конце села, повернувшись к шоссе на дороге спиной. Работал и жил себе в удовольствие. По утрам затягивал подпруги лошади потуже – не то в скачке по этим горным склонам седло, того и гляди, окажется, на ее боку – и погонял стадо, заходя к нему рысью то сверху, то снизу. Когда надо, совал согнутый указательный палец в рот – и свистел. В этом деле кто бы Цимирзу превзошел? Никто. Даже милиционер, всю жизнь ходивший со свистком, не смог бы свистнуть так зычно. Ширясь волнами, долетал его свист до противоположной стороны ущелья, и его эхо возвращалось обратно. И так по два-три раза. Коровы сразу бегом занимали свои места: они хорошо понимали свист Цимирзы. А когда стадо располагалось на дневной отдых, тогда и Цимирза снимал с лошади седло, клал его себе в изголовье вместо подушки и ложился на зеленую травку...»

Юмор Сергея Хугаева – не результат праздномыслия и не средство развлечения, но особая форма философского осмысления жизни, – в том числе и главным образом нашей, осетинской жизни. Юмор в этом смысле выступает здесь неким катализатором «литературной реакции», большие вопросы и вечные темы он делает более доступными для читательского восприятия, так, чтобы мы могли увидеть жизнь крупным планом – со всеми ее правдами и кривдами, красотой и изъянами, добротой и жестокостью. Вот почему зачастую юмор Хугаева естественно и закономерно переходит в сатиру, где типизация характеров «более однолинейна» и «карикатурна» [6, с. 35], как, например, в рассказах «Вот так Хепа!» «Муратбег и другие», «Записная книжка», «Книги»,

«Письменный стол», «Время перемен» и др.

Рассказ «Время перемен» представляет собой калейдоскоп сюжетов и характеров, иллюстрирующих перестроенную и постперестроенную действительность 90-х – начала 2000-х годов, когда

«...цард фæфæлдæхти. Йæ рохтæ æнæхуыздæр разамонджыты къухтæм æрхаудтой æмæ сын цæугæ-цæуын фæфæлдæхти. Лæгæн йæ суджы уæрдон куыд фæфæлдæха уу фæзилæны, афтæ – йæ цæлхытæ фæуæлæмæ сты. Ныр æфсонæй сæхимæ уу мисхалы йас не 'руагътой – цардæн, дам, йæхи аххос уыди, нæ, дам, бæззыди æмæ, дам ын æнæафæлдæхгæ нæ уыд. Ахæм диссæгтæ, гъе!» [15, с. 33].

«...жизнь перевернулась. Ее вожжи оказались в руках не тех вождей, и она опрокинулась на ходу, как арба на повороте, – и встала вверх колесами. Теперь они ни в чем не видят своей вины: жизнь, дескать, сама виновата, неправильно была устроена и не могла не перевернуться. Такие вот чудеса!..»

Здесь мы видим яркие сатирические картины современных нравов, выписанных, впрочем, с неизменной иронией; автор говорит о владельцах трехэтажных особнячков («æгайтта хæдзар сарæзта, æгайтта уынæ сфидауын кодта!» / «и слава Богу, что такой дом построил: хоть улица краше стала!»), о преподавателях-мздоимцах и в целом о положении в нынешних вузах («цæмæй мидæмæ бахауай, уый тыххæй – æхца (...), цæмæй æддæмæ ма рахауай, уый тыххæй дæр – æхца» / «чтобы внутрь попасть – деньги, чтобы наружу не выпасть – тоже деньги»), о врачах и здравоохранении («рынчын, мæгуыр, рынчындонмæ куы рараст вæййы, уæд цыма дзуарыбынмæ рараст вæййы, уыйау йæ мысайнаг йæмæ рацæйхæссы») / «нынешний больной отправляется в больницу, как к святилищу – с жертвоприношением»), о работе правоохранительных органов («ныр искæй æрцахстой – фæрсын æй байдайыны, фæрсын æй байдайыны, афæдз дæр æй фæфæрсынцы, бахъуыди, уæд – дыууæ дæр. Нæ йæ ныууадзыны, цалынмæ срæст вæййы, уæдмæ») / «теперь если кого-нибудь и арестуют – то будут допрашивать год, а если надо, и два. Не отстанут, пока не оправдается»).

Сам автор, хоть улыбается и всегда «жалеет и любит» [6, с. 35] своего героя, все же не спешит простить его. И сам осуждает, и предаёт суду читателя. Потому что рассуждать и судить – право и обязанность, данные нам самой жизнью. Наш долг только в том, чтобы судить справедливо. Тогда, возможно, и подсудимый встанет на праведный путь. Искусство и есть, прежде всего, искусство наставления на путь красоты и правды.

Выше мы сказали, что в рассказах Сергея Хугаева, безотносительно темы, присутствуют свет и тепло. В целом это и человек и писатель – теплый, чуткий и приветливый. Не зря так много солнца в названиях других его произведений: «Ракæс, хур!» /

«Выгляни, солнце!», «Ацы хъарм хуры бын» / «Под солнцем, греющим нас», «Хурвæндаг» / «Солнечной дорогой», «Мæ хур бонтæ» / «Мои солнечные дни», «Хуры рæгъ» / «Тост за солнце»... При всем

его социальном критицизме творчеству Сергея Хугаева присуща светлая, оптимистическая перспектива и утверждение радости бытия. Потому он и любим своим народом.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Епхиты Тæтæри.** Уацмьстæ 3 т. (Епхив Т.А. Сочинения: в 3-х т.). – Дзæуджыхъæу, 1961 Т. 1.
2. **Тыбылты Алыксандр.** Æвзæрст уацмьстæ (Тибилев А.А. Избранные сочинения). – Цхинвал, 1964.
3. **Гæдиаты Секъа.** Азау (Гадиев С.К. Азау). – Дзæуджыхъæу, 1981.
4. **Хуыгаты Сергей.** Хурырæгъ (Хугаев С.З. Тост за Солнце: Стихотворения). – Дзæуджыхъæу, 2008.
5. **Залыгин С.П.** Собр. соч: в 4 т. – М., 1980. Т. 4.
6. **Мамиева И.В.** Мир души художника // Вестник ВНС, 2013. № 4.
7. **Бибоева И.Г., Казиты М.Р.** Писатели Осетии. – Владикавказ, 2015.
8. **Беджызаты Чермен.** Æвзæрст уацмьстæ (Беджызаты Ч.Д. Избранные сочинения). – Сталинир, 1958.
9. **Къоста.** Ирон фæндыр (Хетагуров К.Л. Осетинская лира). – Дзæуджыхъæу, 1984.

10. **Джусойты Нафи.** Зын кары // Джусойты Нафи. Уацмьсты æмбырдгонд (Джусойты Н.Г. Трудный возраст // Джусойты Н.Г. Собрание сочинений). – Дзæуджыхъæу, 2015. Т. 1.
11. **Малиты Васо.** Ныстуан // Авторты коллектив. Критикон уацтæ (Малиев В.Г. Завещание // Коллектив авторов. Литературно-критические статьи). – Дзæуджыхъæу, 1990.
12. **Рукопись автора** // Архив С.З. Хугаева.
13. **Нигер.** Уацм. æххæст æмб. 3 т. (Нигер. ПСС: в 3-х т.). – Дзæуджыхъæу, 1967. Т. 3.
14. **Хуыгаты Сергей.** Хурвæндаг (Хугаев С.З. Солнечной дорогой: Рассказы и повесть). – Дзæуджыхъæу, 1980.
15. **Хуыгаты Сергей.** Сæнæфсиры цупæлттæ (Хугаев С.З. Гроздь винограда: Рассказы и повести). – Дзæуджыхъæу, 2014.

BENEVOLENCE AND BURNING ISSUES OF THE DAY: TO THE POETICS OF SERGEY KHUGAEV'S HUMOROUS AND SATIRICAL STORIES (to the 85th anniversary of the honored ossetian writer Sergey Khugaev).

M.R. Kazity

PhD in Philology, Assistant Professor of Ossetian literature South Ossetian State University named after A. Tibilov, co-chairman of the Writers' Union of Ossetia (g.dzebyson@mail.ru).

Abstract. The article provides an overall assessment of the honored Ossetian writer Sergey Zaurbekovich Khugaev's creativity and personality; the writer's humorous and satirical stories in terms of their genre, compositional and stylistic peculiarities.

Keywords: Sergey Khugaev, Ossetian literature, genre, novel, humor, satire, language

REFERENCES

1. **Epkhity Tætæri.** Uatsmystæ 3 t. (Epkhiev T.A. Sochineniya: v 3-kh t.). – Dzæudzhikh'æu, 1961 T. 1.
2. **Tybylty Alyksandr.** Ævzærst uatsmystæ (Tibilov A.A. Izbrannye sochineniya). – Tskhinval, 1964.
3. **Gædiaty Sek" a.** Azau (Gadiev S.K. Azau). – Dzæudzhikh'æu, 1981.
4. **Khuygaty Sergey.** Khury ræg" (Khugaev S.Z. Tostza Solntse: Stikhotvoreniya). – Dzæudzhikh'æu, 2008.
5. **Zalygin S.P.** Sobr. soch: v 4 t. – M., 1980. T. 4.
6. **Mamieva I.V.** Mir dushi khudozhnika // Vestnik VNTs, 2013. № 4.
7. **Biboeva I.G., Kazity M.R.** Pisateli Osetii. – Vladikavkaz, 2015.
8. **Bedzhizaty Chermen.** Ævzærst uatsmystæ (Bedzhizaty Ch.D. Izbrannye sochineniya). – Stalinir, 1958.
9. **K"osta.** Iron fændyr (Khetagurov K.L. Osetinskaya lira). – Dzæudzhikh'æu, 1984.

10. **Dzhusoyty Nafi.** Zynkary // Dzhusoyty Nafi. Uatsmysty æmbyrdgond (Dzhusoyty N.G. Trudnyy vozrast // Dzhusoyty N.G. Sobranie sochineniy). – Dzæudzhikh'æu, 2015. T. 1.
11. **Mality Vaso.** Nystuan // Avtory kolektiv. Kritikon uatstæ (Maliev V.G. Zaveshchanie // Kollektiv avtorov. Literaturno-kriticheskie stat'i). – Dzæudzhikh'æu, 1990.
12. **Rukopis' avtora** // Arkhiv S.Z. Khugaeva.
13. **Niger.** Uatsm. ækhkhæst æmb. 3 t. (Niger. PSS: v 3-kh t.). – Dzæudzhikh'æu, 1967. T. 3.
14. **Khuygaty Sergey.** Khur vændag (Khugaev S.Z. Solnechnoy dorogoy: Rasskazy i povest'). – Dzæudzhikh'æu, 1980.
15. **Khuygaty Sergey.** Sænæfsiry tsupælttæ (Khugaev S.Z. Grozd'ya vinograda: Rasskazy i povesti). – Dzæudzhikh'æu, 2014.

